

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

ДУБЯНСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры истории экономики и экономической мысли,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
e-mail: a.dubianskii@spbu.ru;*

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.,
e-mail: churila@yandex.ru*

Современная ситуация в мире характеризуется тем, что происходит очередная волна изменения государственных границ, почти как после второй мировой войны. Среди трансформирующихся государств нет классических империй, однако опыт построения крупных государственных образований может быть использован для понимания того, что нужно делать для сохранения целостности государств. В данной статье рассматривается вопрос об институциональных условиях объединения неоднородного экономического пространства на примере России XIX в. Если понимать экономику как «институционально оформленный процесс» движения материальных благ и трансакций, то соединение хозяйственных актов в сфере обмена придает этому процессу стабильность и интегрирует его в систему общества. Авторы посчитали перспективной идею К. Поланьи о трех формах интеграции или обмена, которые воспроизводят экономику как целое, для проведения институционального анализа экономики Российской Империи XIX в. Речь идет о рыночном обмене, редистрибуции (перераспределении) и реципрокности (взаимности, дарообмене). В таком аспекте российская экономика еще не рассматривалась в экономической литературе. В качестве основного метода используется институциональный анализ и исторический метод исследования. Материалы, изложенные в работе, могут быть использованы для рассмотрения современных проблем интеграции неоднородного экономического пространства. Выяснено, что для обеспечения системной связанности общества и сохранения государства, необходима реализация долговременных целей в виде Больших проектов. Авторы рассматривают такие проекты в символическом контексте поддержания легитимности власти и в сугубо экономическом аспекте.

Ключевые слова: империя, деньги, редистрибуция, дарообмен, Большие проекты.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF INTEGRATION OF RUSSIAN EMPIRE IN XIX CENTURY

ALEXANDER N. DUBYANSKIY,

*Doctor of economic sciences,
professor of economic history and economic thought,
Saint Petersburg state University, Saint Petersburg,
e-mail: a.dubianskii@spbu.ru;*

MICHAEL A. RUMYANTSEV,

*Doctor of economic sciences,
professor of economic theory,
Saint Petersburg state University, Saint Petersburg,
e-mail: churila@yandex.ru*

The current situation in the world is characterized by the fact that there is another wave of changes to state borders, almost like after the second world war. Among the transforming States no classical empires, but the experience of building a large state formations can be used for understanding what needs to be done to preserve the integrity of States. This article addresses the question of institutional conditions of integration of economic space in the Russia of the XIX century. If we understand economy as "an institutionalized process" movement of material goods and transactions that link economic acts in the sphere of exchange makes this process stability and integrates it into the system companies. The authors considered promising idea Polanyi's three forms of integration or sharing that reproduce the economy as a whole, for the conducting institutional analysis of economy of the Russian Empire of the XIX century. We are talking about market exchange, redistribution (redistribution) and of reciprocity (reciprocity, gift exchange). In this aspect, the Russian economy has not yet considered in the economic literature. The main method used institutional analysis and the historical method of research. The materials contained in the work, can be used to consider contemporary problems of integration of heterogeneous economic space. Found that to ensure the system coherence of the society and co-storage state, it is necessary to implement long-term goals in the form of Large projects. The authors consider such projects in the symbolic context of maintaining the legitimacy of power and, in purely economic aspect.

Keywords: *empire, money, redistribution, gift exchange, Large projects.*

JEL: *N10, P10.*

Введение

В современной и более поздней истории можно обнаружить немало примеров распада некогда единых государств. В этой связи представляет интерес анализ факторов, которые скрепляли государства и причин их последующего распада. Изучение Больших систем или социально-экономических организмов с присущими им стабильными структурами и длительной протяженностью истории (*longue duree*, по Ф. Броделю) оказывается весьма актуальным в современной ситуации нарастания рисков неопределенности и потери устойчивости развития.

В поисках новой устойчивости нельзя не обратиться к противоречивому историческому опыту долговременных социальных систем и структур, которые оказались «устойчивым элементом жизни целого ряда поколений. Иные структуры менее устойчивы. Но все они

являются и опорой, и препятствием исторического движения» (Бродель, 1977, сс. 115–142). К таким стабильным и устойчивым в историческом времени институциональным системам относятся и империи. Существует немало определений империи, данных с различных ракурсов и позиций. Например, Дж. Гоу полагает, что империя это «социополитическое образование, в котором политические (точнее, социополитические) процессы зависимых обществ, народов или территорий находятся под перевешивающим влиянием и контролем органов центральной политической власти» (Go, 2011, p. 7).

Другой известный американский экономический социолог предлагает более широкое определение империи. «Империи отличаются тем, что осуществляют власть над территориями и народами, находящимися за пределами ядра их политики, и тем, что основная движущая империи вырабатывается благодаря взаимодействию между ядром, стремящимся поддерживать или расширять и углублять свое владычество над перифериями, и его перифериями, стремящимися ослабить или свести на нет владычество над ними ядра» (Лахман, 2016, с. 96). В свою очередь американские социологи Роберт Ханнеман, Рэндалл Коллинз и Габриель Мордт говоря об экономических преимуществах империй, выделяли следующие факторы. Во-первых, они отмечали, что «обладание подчиненной территорией позволяет центру империи извлекать выгоду через различные сборы, земельные налоги и дешевый импорт». Во-вторых, они предполагали, что экономические преимущества империи «растут в прямой зависимости от ее размера» (Ханнеман, Коллинз и Мордт, 2015, с. 409). Кроме того, эти авторы считают необходимым проводить различие между «ядром (родиной доминирующего политического сообщества, или хартлендом) и «империей» (родными землями покоренных политических сообществ) (Ханнеман, Коллинз и Мордт, 2015, с. 409).

В настоящей статье империя не будет рассматриваться в контексте реализации ею экспансионистской идеологии империализма, нацеленной на захват земель чужих народов и их эксплуатацию посредством колониальных институтов. Авторы не рассматривают империализм и в сугубо политэкономическом контексте, как, например, В. И. Ленин в работе об империализме как высшей стадии капитализма (Ленин, 1916). Не менее интересен другой аспект жизни империй – их общественно-хозяйственное устройство, а, точнее, то, как функционируют внутренние социально-экономические механизмы обмена в процессах производства и присвоения благ и как механизмы обмена интегрируют неоднородные сегменты хозяйства в многомерную социально-экономическую структуру империй. В этом плане авторам ближе позиция Й. Шумпетера, считавшего империализм внеисторическим явлением, не связанным с капиталистическим развитием (Schumpeter, 1918).

Предварительно империю можно определить как центростремительную силу соединенных систем духовной, политической и экономической власти, регулирующих жизнь народов и интегрирующей локальные миры с разнообразными логиками поведения акторов в самодостаточный общественно-хозяйственный организм. На наш взгляд, атрибутами империй являются а) единый властный Центр; б) наличие периферийных, отдаленных от Центра зон и окраин; в) экономическая самодостаточность, устойчивость и длительность истории; г) социально-экономическая разнородность территорий, отличающихся по жизненным стандартам, хозяйственным укладам и институтам; д) системные регуляторы, объединяющие локальные хозяйственные миры в единое целостное имперское хозяйство; е) «вложенность» (embossed, по К. Поланьи) всего экономического в культурные и политические контексты.

Коль скоро разнообразие является принципом эволюции всего общественного, и, в частности, хозяйственного организма империй, то требуется определить способы интеграции разнообразных логик поведения в неоднородных социально-экономических пространствах империи. Несмотря на разнообразие логик экономического поведения и неоднородность хозяйственных укладов, высшей стратегической инстанцией в империи

является государство. Анализ Дж. Малагана показал, что государство обладает тремя источниками власти: насилием, деньгами и доверием. При этом «из трех источников власти наиболее важным для суверенитета является власть над мыслями, порождающая доверие. Насилие может быть использовано только негативно; деньги могут быть использованы только в двух измерениях – выдачи и изъятия. Но знания и мышление могут трансформировать вещи, двигать горы и превращать эфемерную власть по видимости в перманентную» (*Mulgan, 2007, p. 271*). Можно предположить, что насилие, деньги и доверие как доминанты политической системы трансформируются в экономике в отношении перераспределения, рыночного обмена и взаимности. Это предположение основано на идеях К. Поланьи о формах экономической интеграции в обществе.

По мысли К. Поланьи, экономика есть «институционально оформленный процесс» движения материальных благ и трансакций. Институциональное оформление – это соединение хозяйственных актов в сфере обмена, которая придает экономическому процессу стабильность и интегрирует его в систему общества. Поланьи выделил *три формы* интеграции или обмена, воспроизводящих экономику как целое: рыночный обмен, редистрибуция (перераспределение) и реципрокность (взаимность, дарообмен). Например, если для рыночного обмена характерны одномоментность сделки и использование денег в качестве средства обращения, то дарообмен базируется на развернутом во времени обмене услугами между не анонимными социальными субъектами по принципу «отложенной взаимности». Каждая из форм институциональной интеграции предлагает свой «поддерживающий способ связи между людьми» – систему рынков для обмена, распределительный Центр власти для редистрибуции и симметричные группы людей, способных к взаимности для дарообмена (*Поланьи, 2010, сс. 47–81*).

Важный момент заключается в том, что каждая из форм обмена генерирует собственную логику формирования экономической ценности. Эквивалентный рыночный обмен устанавливает в качестве ценности деньги как средство обмена, в свою очередь дарообмен базируется на ценностях взаимного одаривания. Что же касается редистрибуций, то для исследования хозяйства империй исключительно важным оказывается проведенное Дж. Арриги разделение «капитализма» и «территориализма» как противоположных способов правления или логик власти. В отличие от капиталистических государств, «территориалистические правители отождествляют свою власть с протяженностью и населенностью своих владений и считают *богатство / капитал* средством или побочным продуктом стремления к территориальной экспансии» (*Арриги, 2010, с. 75*). Продолжая эту мысль резонно предположить, что с экономической точки зрения имперская логика территориальной экспансии за счет перераспределения ресурсов формирует особую ценность или благо – Большие инфраструктурные проекты развития территорий.

Далее мы попытаемся сфокусировать вышеизложенное в анализе трех типов обмена, выступавших своего рода «системными интеграторами» для разнородных хозяйственных укладов и различных логик экономического поведения в Российской империи XIX в. В статье на материалах российского хозяйства будут рассмотрены: а) институциональные характеристики дарообмена в России; б) специфика денег как интегрирующего средства рыночного обмена в российских условиях; в) социально-экономические аспекты и противоречия редистрибуций и инфраструктурных проектов.

Дарообмен в России: исторический экскурс

Разнообразные формы дарообмена приводятся в движение не столько экономической, сколько социальной логикой в ее институциональных, коммуникативных, религиозных и этических модальностях. По словам экономического антрополога М. Саллинза, «любой обмен, поскольку он воплощает некий коэффициент дружелюбности, не может быть

понят лишь в материальном аспекте, отделенном от социального» (Саллинз, 1999, с. 169). Принцип солидарной ответственности при выполнении взаимных обязанностей присущ не только микроуровню общин и более крупных социальных групп. Он проявляется и на уровне больших систем – обществ, стран, цивилизаций. Длительный период времени доминантой российской истории была идея всесословного, служивого государства.

Весь социальный универсум Московского царства базировался на отношениях межсословного дарообмена. Помещик должен был «и людно, и конно, и оружно» являться на государеву военную службу и обеспечивать защиту страны от внешних угроз, крестьянин, в свою очередь – «кормить» дворянина, во время многолетней военной службы рискующего жизнью. Дворяне до указа 1762 г. об их вольности обязаны были служить в армии 40 лет (на практике срок службы был, разумеется, меньше). Российское общество воспроизводилось именно как тягловое государство, в котором каждое сословие несло свое тягло – выполняло свою хозяйственную или социальную миссию в системе церковно-государственного устройства Московского царства. Московит не видел в «имении» исключительное право своей частной собственности, для него оно было материальным обеспечением обязанности нести свое тягло. Как выразился по этому поводу К. С. Аксаков, «частной собственности нет» (Аксаков, 1998, с. 157). В отечественной истории легитимность собственности определялась волей государства и личной обязанностью несения своего общественного тягла. Отсюда проистекает хрупкость и неустойчивость прав собственности в России. При связи всех со всеми в патриархальном русском обществе отношения собственности на землю являлись не более чем взаимными правами владения, распределяющиеся между крестьянами, помещиками и государством. Межсословный обмен при выполнении взаимных обязательств обеспечивал устойчивость социально-экономического развития и необходимый уровень доверия между сословиями.

Межсословный дарообмен как руководящий принцип российской истории был основательно подорван в эпоху Петербургской империи. Территориальная экспансия империи потребовала новых более жестких форм социального контроля Центра над растущими территориями и новых институтов власти. Российские императоры и императрицы стремились к реализации своей власти через дворянское сословие и сделали ему ряд судьбоносных уступок. Указы Петра III и Екатерины II освободили дворян от их тягла – обязательной военной службы государству. В результате помещичье землевладение стало безусловно-частным, а крестьяне оказались в крепостной зависимости от помещиков – дворян.

Дворянство как новая господствующая группа эксплуатировала крепостных крестьян, взамен обеспечивая государству контроль над громадными территориями империи. Обратной стороной усиления социального контроля со стороны Центра явился разрыв между верхами и низами империи и глубочайшая деформация идеи социальной справедливости в российском обществе. В свое время, даже частичное прикрепление крестьян к земле, узаконенное Соборным Уложением Алексея Михайловича 1648 г., воспринималось народным сознанием как одна из форм всеобщего тягла, которое несут все сословия ради благоденствия державы. «Пока существовала обязательная служба дворян, крепостное право оправдывалось в глазах правительства и дворянства и даже самих крестьян» (Любавский, 2002, с. 466). «Революция дворянства» XVIII в. ослабила легитимность помещичьей власти над крестьянами, которые, в отличие от дворян, продолжали нести свое обязательное тягло в помещичьем хозяйстве. Таким образом, межсословный дарообмен утратил качество системного регулятора развития России и не выполнял больше роль «скреп» российского общества. В обществе появилась своего рода «тектоническая трещина» приведшая впоследствии Россию к революционным потрясениям и территориальным утратам. Применительно к XIX в. это означает, что отношения дарообмена стали носить секторальный характер и проявляться в отдельных

областях социально-экономической жизни: в крестьянских общинах (помочи), в сфере частной благотворительности и даже – женской благотворительности (*Ulianova, 2009*).

Денежный аспект интеграции российской империи

Рассмотрим исторический пример того, каким образом деньги связывали в единое целое разнородное экономическое пространство России. Однако мы не будем следовать логике К. Поланьи буквально, и показывать, как денежные отношения связывают воедино имперское пространство. Это в достаточной степени изученный вопрос экономической теории. В российской экономике неоднократно задействовались нестандартные приемы использования денег, которые не применялись в других странах. Зачастую это происходило непреднамеренно, из-за обстоятельств как внутренних, так и внешних. Иногда результат такого нестандартного использования денег давал положительные результаты.

Эксперименты с денежным обращением происходили в России достаточно часто, в силу нехватки доходов государственной казны. Порой эти эксперименты были крайне неудачными, достаточно вспомнить «провальную» денежную реформу Алексея Михайловича (1654–1662), приведшую к «медному бунту». (*Расков, 2008, сс. 69–80*).

Во времена царствования императрицы Екатерины II попытки монетарного новаторства в денежном обращении продолжились, благодаря чему в 1769 г. в России были введены в обращение бумажные деньги – ассигнации, оказавшие впоследствии значительное влияние на развитие страны. Бумажные деньги понадобились государству, потому что в стране не было других материальных ресурсов для ведения войн и финансирования народного хозяйства.

В экономической науке существует устоявшееся мнение о том, что чем беднее страна, чем она слабее в финансовой сфере, следовательно, тем активнее в экономике такой страны используются бумажные деньги для решения многочисленных проблем. Русский экономист С. А. Фалькнер считал ошибочной такую причинно-следственную связь в оценках бумажной валюты. На его взгляд, бумажные деньги являются по своей сущности кредитными деньгами, основанными на доверии. Следовательно, согласно этой логике можно утверждать, что «...чем слабее в финансовом отношении государство, тем меньше могло бы оно пользоваться этим ресурсом, а чем солиднее его финансовая организация, тем шире возможности его использования, ибо, как известно, степень устойчивости государственного кредита всегда соответствует уверенности кредиторов в обеспеченности кредитуемых им сумм, а эта уверенность непосредственно определяется продуктивностью работы финансового аппарата государства» (*Фалькнер, 1919, с. 10*).

Поэтому, доверие к бумажным деньгам, как считал Фалькнер, проистекает из доверия к финансовым институтам государства в частности и к самому государству в целом. Парадоксальный, на первый взгляд, вывод состоит в том, что у стран, использовавших бумажные деньги, должны быть априори самые сильные финансовые институты, т.к. поддерживать такую валюту всегда сложнее, нежели самодостаточные металлические деньги из драгоценных металлов. Такая точка зрения на бумажные деньги не бесспорна, но весьма оригинальна и представляет собой нетривиальный взгляд на природу бумажных денег.

В рамках статьи невозможно подробно рассмотреть все аспекты функционирования в России бумажно-денежного обращения, однако следует отметить, что ассигнации сыграли свою важную роль в развитии российской империи. Практически только за счет эмиссии бумажных денег Россия вела многочисленные войны в тот период и осваивала приобретенные территории, другими ресурсами она не располагала. В результате в стране наблюдалась значительная эмиссия бумажной валюты. Чрезмерный

выпуск бумажных денег привел к тому, что первоначально размениваемые на серебро ассигнации перестали обмениваться на металл, произошло это в конце XVIII в. В итоге в России в денежном обращении возникло уникальное явление – параллельное денежное обращение. Государство не могло отказаться от обесценивавшихся ассигнаций по указанным выше причинам, но и не имело возможности перейти к серебряному монометаллизму, опять же из-за нехватки необходимых запасов серебра.

Этот тип денежного обращения представлял собой одновременное хождение неразмениваемых друг на друга ассигнаций и серебряного рубля (*Дубянский, 2014, сс. 55–72*). При этом между валютами не существовало фиксированного обменного курса. Это обстоятельство приводило к тому, что не действовал закон Грешема, согласно которому относительно более слабая валюта вытесняет более дорогие деньги из обращения.

Если оценивать последствия параллельного денежного обращения, то они не были однозначно негативными, как принято считать. «Идеальное видение империи как целого подразумевало, конечно, единство денежного обращения» (*Правилова, 2006, с. 310*).

Можно отметить в этом явлении и ряд позитивных моментов. Во-первых, параллельное денежное обращение было вполне адекватным для неоднородной экономики России. По сути, российское народное хозяйство представляло собой совокупность разнородных элементов, как с точки зрения хозяйственного развития, так и в территориальном плане. С одной стороны, были области с достаточно высоким по российским меркам уровнем развития, такие как прибалтийские губернии, Великое княжество Финляндское, Царство Польское. Сюда можно отнести также территории с активно развивавшимся сельским хозяйством капиталистического типа (Юг России) и губернии, через которые велась внешняя торговля – Астраханская, Архангельская и, конечно, столичная – Петербургская губерния. Именно на этих территориях в денежном обращении доминировала серебряная монета, ассигнации были распространены мало. Во всех других губерниях, уступавших по экономическому развитию названным территориям, в обращении господствовали ассигнации. Другими словами, более развитые и ориентированные на внешнюю торговлю регионы пользовались устойчивой серебряной валютой, а менее развитые в экономическом плане территории предпочитали дешевающие год от года бумажные деньги.

Естественно, такое положение дел не могло не вызывать противоречий, как экономических, так и политических. «Обращение обесцененных бумажных денежных знаков отвечало интересам большей части дворян, имущество которых было в долгах» (*Мальшиев, Таранков и Смиранный, 1991, с. 30*), как указывалось в экономической литературе, посвященной проблематике бумажноденежного обращения. Действительно, обесценивающаяся валюта выгодна должникам, так как в этом случае инфляция частично «списывает» долговое бремя. Кроме того, слабая валюта создает дополнительные конкурентные преимущества для производителей. Помещики центральных российских губерний при помощи ассигнаций получали возможность успешнее сбывать свой основной товар – зерновые культуры невысокого качества, что объяснялось низким уровнем агрокультуры.

Но подобное положение дел не могло устраивать вставших на капиталистический путь представителей дворянства и нарождающуюся русскую буржуазию. Для них параллельное денежное обращение было «тормозом для развития капиталистической деятельности, обесценивало доходы от нее» (*Мальшиев, Таранков и Смиранный, 1991, с. 30*). Представители этой группы были объективно заинтересованы в стабильной валюте.

Кроме того, в Российской империи были территории, наделенные особым автономным статусом и правом на чеканку собственной монеты. Речь идет в первую очередь о Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском (*Правилова, 2006*).

Несмотря на обозначенные противоречия в денежном обращении, Российская империя смогла с помощью такой нестандартной, чтобы не сказать порочной с точки зрения общепринятой экономической логики денежной системой, укрепить свою территориальную целостность и обеспечить устойчивое развитие включенных в нее территорий.

Очевидно, что единая валюта имеет политические и теоретические преимущества, но дестабилизирует неоднородную экономическую систему, создавая почву для потенциальной территориальной дезинтеграции. Российская империя счастливо пережила этап территориального расширения и экономической интеграции во многом благодаря нестандартной денежной системе с множественностью валют.

Редистрибуции и Большие проекты

как системные интеграторы неоднородных пространств

Редистрибуция предполагает централизованную экономическую систему перераспределения благ, которая не сводится только к материальному обеспечению потребления и производства. По мысли М. Саллинза, не менее важна другая, нематериальная функция редистрибуции, которая «создает дух единства и центричности, систематизирует структуру, формирует централизованную организацию общественного порядка и общественной деятельности» (Саллинз, 1999, с. 174). Иначе говоря, грандиозные зрелища, общественные работы, масштабное строительство и церемонии предстают как процесс траты материальных ресурсов, благодаря которой разворачивается процесс приобретения нематериальных символических ценностей.

Социальная функция подобного рода растрат из перераспределительного Центра сплачивает общество, ограничивает агрессивную конкуренцию во имя общенационального сотрудничества – и тем самым укрепляет власть Центра. «Символическая трата» общественных ресурсов приводит к прямым и косвенным результатам: а) непосредственно – к формированию общегосударственных символических ценностей сотрудничества и солидарности как «доминантных активов» власти и б) косвенно – к производству в экономике синергетических эффектов масштаба от взаимодействия больших групп людей.

Суровые природно-географические и климатические условия хозяйствования в Российской империи порождали трудовую и потребительскую аскезу большинства населения. Достаточно сказать, что в православном году было более 90 постных дней. «Народ наш по будням затаскан», – с грустью констатировал В. И. Даль. Нехватка отдыха в таких условиях вела к физическому и умственному перенапряжению, истощению сил. Праздники как символическая растрата совокупного труда общества позволяли человеку уйти от рутины, соучаствовать в торжественном обновлении жизни, «прикоснуться» к трансцендентному. В традиционном крестьянском, да и городском мире праздничные обряды были не условностью, а переживанием круговорота жизни – делящемся преданием, захватывающим предков, современников и потомков.

В идеократическом обществе, каким была Российская империя, значительная часть праздников была передана институту Церкви и носила церковно-государственный характер. В крестьянском мире церковно-государственные праздники поддерживали «веру в Царя» – главный символический «актив» Империи. Представления крестьян о власти проистекали из религиозной веры в ее сакральное происхождение: «Всякая власть от Бога», «Повиновение начальству – повиновение Богу», «и в Писании вон есть, что властям повинуются» (Даль, 2000, сс. 151–152, 154). Символом государственного управления и всего порядка в государстве являлась фигура Царя: «Грозно, страшно, а без Царя нельзя» (Даль, 2000, с. 152). Именно из принципа сакральности царской власти проистекали представления крестьян о легитимности всей институциональной системы российской власти как орудия царской воли. Если Царь пользовался

абсолютным доверием в крестьянском мире, то недоверие к чиновничеству, особенно мелкому, с которым крестьяне сталкивались в обыденной жизни, было традиционной чертой их мировоззрения. Исследователь народного быта Н. М. Астырев отмечал, что в крестьянской среде сложилось многовековое убеждение о том, что все «стюцкие» и «сюртучники», т.е. чиновники, не имеют ничего общего с «хрестьянским народом», «лапотниками». «Сюртучник и лапотник – два взаимоотталкивающихся элемента, и никаких общих интересов, по мнению лапотника, в данное время не имеют; если же сюртучник представляет из себя хотя бы самое микроскопическое начальство, вроде волостного писаря или письмоводителя станowego, то всякий трезвый крестьянин старается по возможности укрыть свое нутро, свои помыслы, желания и надежды от взоров этого представителя ненавистного крапивного семени...» (*Астырев, 1896, сс. 30–31*).

Таким образом, при отчуждении крестьян от чиновничьей среды именно сакрализация Царя обеспечивала доверие к власти в Российской империи. Постоянная связь народа с Царем осуществлялась через церковь, например, каждое воскресенье на литургии, обязательной для каждого верующего, имя царствующего монарха произносилось пять раз. Вероятно, патерналистская власть российского монарха имела исторические основания и в единоличной родительской власти в крестьянской семье. И поскольку все уровни власти в Российской империи считались легитимными в силу своего подчинения власти Императора, то прочность всей властной вертикали определялась уровнем доверия населения к высшей, царской инстанции власти.

Вернемся к экономической стороне редистрибуций в империях. Как уже отмечалось, имперская логика территориальной экспансии из Центра к периферии воплощается в Больших инфраструктурных проектах хозяйственного освоения территорий. Большие проекты представляют собой обмен наличных ресурсов в настоящем времени на выгоды от развития в будущем. За счет перераспределения ресурсов из периферии в Центр и налогообложения всего населения финансируются приоритетные сегменты хозяйства или лидирующие сектора, обладающие потенциалом долговременного социально-экономического развития.

Для экономики Больших пространств империи ключевое значение имеет эффективная система транспортных коммуникаций, связывающая воедино локальные рынки и ускоряющая экономические обороты. В XIX в. доминантным направлением развития хозяйства Российской империи, изменившим весь его облик, явилось строительство железных дорог. Была создана система транспортных артерий, ставшая драйвером индустриального и социального развития России. Особо отметим значение Великого Сибирского пути – Транссибирской железнодорожной магистрали, соединившей Европейскую часть, Урал, Сибирь и Дальний Восток России. На востоке Транссибирская магистраль обеспечивает выход на сеть железных дорог Северной Кореи, Китая и Монголии, а на западе, через российские порты в европейские страны. Между тем во второй половине XIX в. Сибирь представляла собой отсталую окраину России с немногочисленным населением, слабо развитой промышленностью и торговлей. Отсутствие современных путей сообщения создавало немалые трудности в развитии экономики региона ввиду его большой территории. Решение о строительстве в Сибири железных дорог открыло возможности для аграрного и промышленного развития. Благодаря трансконтинентальной магистрали за Уралом появилось большое количество новых городов, поселков, предприятий, появились новые промышленные центры.

Интенсивное строительство железных дорог в России дало сильнейший импульс экономическому и социальному преобразованию страны. Сельскохозяйственные регионы получили возможность вывоза продукции, что способствовало повышению товарности хозяйств и росту доходов аграриев. Промышленность получила новые рынки сбыта. Избыточное сельское население стало активнее мигрировать в города, обеспечивая рабочую силу для растущей промышленности. Отсюда следует, что транспортная

инфраструктура это особое экономическое благо, которое обладает не только прямой, но и косвенной экономической эффективностью. Прямая эффективность связана со сроком окупаемости транспортных коммуникаций (затраты–доходы от перевозок). Косвенные – с народнохозяйственной эффективностью, обусловленной эффектом масштаба, ростом цепочек смежных предприятий, диффузией инноваций в другие отрасли, ростом инвестиций, ускорением рыночных оборотов, а также социальными эффектами, например, заселением и культурным освоением новых территорий. При отсутствии в стране незамерзающих морских акваторий синергетические эффекты Больших проектов в области транспортных коммуникаций имели принципиальное значение для континентальной экономики Российской империи.

Большие проекты и перераспределительные конфликты

Неустрашимым «теневым спутником» Больших имперских проектов является обострение перераспределительных конфликтов в обществе. Перераспределение ресурсов в приоритетные отраслевые сегменты осуществляется за счет перекачки ресурсов из других отраслей. В итоге возникают дисбалансы в движении материальных и финансовых потоков, одни акторы экономики оказываются в выигрыше, положение других акторов резко ухудшается. Перераспределительный конфликт между бенефициарами и донорами имперских проектов приобретает размах и болезненно переживается обществом. И именно строительство железных дорог в Российской империи во второй половине XIX в. является наглядным примером противоречий между выгодополучателями и донорами Большого проекта.

В качестве источника финансирования строительства дорог государством использовались налоги, многие из которых были введены или повышены в период с конца 1870-х до начала 1890-х гг. Рост налогового бремени на крестьян – основного податного сословия Империи – был таким, что уже в 1903 г. на заседании Государственного Совета С. Ю. Витте был вынужден признать, что «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... Дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою ... едва ли даже вообще допустимую при существующем экономическом положении страны» (Гилько, 2012, сс. 92–97). При таком состоянии дел другим важным источником капиталов были правительственные иностранные займы. Современные подсчеты показывают, что в 1893 г. в российской экономике насчитывалось 2,1 млрд руб. иностранных капиталов, 70,6% которых представляли собой государственные железнодорожные займы (Гилько, 2012, сс. 92–97). Таким образом, железнодорожное строительство базировалось на централизованном перераспределении бюджетных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный за счет роста налогов и на правительственных иностранных займах, т.е. на переложении долга государства на будущие поколения.

Донорами строительства дорог явились аграрии – крестьяне и помещики, а также следующие поколения, которым пришлось бы оплачивать иностранные железнодорожные займы. Кто же оказался бенефициаром железнодорожного проекта России? На строительстве транспортных магистралей наживались огромные, немислимые для того времени состояния, расцветали коррупция и грюндерство (спекуляции акциями железнодорожных компаний). Вот распространенная схема железнодорожной аферы. Сначала правительство объявляло о конкурсе на строительство железной дороги. Сразу после этого создавалась акционерная компания, состоявшая из российских и иностранных предпринимателей. Далее проводился подкуп высших сановников Империи: или путем включения их в число акционеров, или с помощью крупной взятки. Сановники, в свою очередь, обеспечивали выигрыш конкурса нужной компании (Лаверычев, 1974).

Разницу между величиной выданной правительством субсидии и затратами на строительство дороги присваивали новоявленные капиталисты. «Тут весь расчет

предпринимателя, – вспоминал очевидец, – состоял в том, чтобы строить как можно дешевле, сохранив за собой как можно больше денег. Правительство, во всяком случае (*в том числе и при убыточности – авторы*), платило пять процентов с капитала, больше этого трудно было получить даже при хорошем управлении» (*Чичерин, 1934, с. 89*). После выкупа двух третей железных дорог в казну в начале 1880-х гг. ситуация с коррупцией и присвоением бюджетных денег аферистами изменилась к лучшему.

Еще один перераспределительный конфликт был связан с тарифной политикой правительства. Стоимость перевозок аграрной продукции была дифференцированной и исчислялась обратно пропорционально дальности расстояния. Хозяйства Центральной России оказались явно в невыгодном положении. О последствиях такой тарифной политики для товарных хозяйств вспоминал помещик Рязанской губернии: «Весь русский населенный центр оказался, таким образом, отодвинутым от рынков сбыта, а ненаселенные окраины – придвинуты... я в лоск разорялся» (*Кольшико, 2009, с. 116*). В результате за счет упадка продуктивных хозяйств Центральных губерний активизировался экономический рост в Сибири, которая превращалась в крупного экспортера аграрной и сырьевой (руды, металлы) продукции.

Имперские редистрибуции в ходе реализации железнодорожного мегапроекта России породили слой капиталистов-миллионеров, богатство которых носило явно выраженный аморальный и паразитический характер. По нелицеприятной оценке князя В. П. Меццерского, данной в 1873 г., «явилась бездна коммерсантов и финансистов, существования которых до сих пор тем более нельзя было подозревать, что они и не думали вовсе подготовляться к такой деятельности, а состояли в разных труппах при таких делах, которые имеют столь же общего с коммерцией, как и таскание платков из чужих карманов» (*Карни, 2012, с. 111*). Не забудем и о том, что за счет коррупции капитально обогатился ряд высших чиновников Империи. С другой стороны, тяжесть налогового бремени и тарифных дисбалансов легла на крестьян, помещиков и предпринимателей, в основном, из Центральной России.

В социальном плане имевшее место разделение доноров и бенефициаров строительства транспортных артерий не выдерживает критики, а в плане этическом вызывает осуждение и неприятие. Все это, безусловно, так. Но невозможно оспорить тот факт, что – по истечении ряда лет – выгоды от пользования железными дорогами получало уже все общество, все его слои и сословия. И сегодня, когда мы ездим по железной дороге, мы пользуемся результатами имперских редистрибуций второй половины XIX – начала XX вв., создавших основу железнодорожной сети России. Таким образом, редистрибуции как обмен наличных ресурсов в настоящем времени на выгоды от развития в будущем путем осуществления Больших инфраструктурных проектов сопровождаются перераспределительными конфликтами между донорами и бенефициарами, что требует усилий по гармонизации социальных противоречий. В краткосрочном периоде времени выгодополучателями оказываются властные элиты и связанные с ними экономические акторы, в долговременном – все общество, взятое в единстве настоящих и будущих поколений.

Заключение

Теперь, когда мы выяснили социальную, а не только экономическую логику обменов в хозяйственной жизни Российской империи XIX в., мы можем заключить, что человек далеко не экономическое животное. Рациональный эгоизм экономического мейнстрима редко руководит нашими мотивами. Человек склонен к взаимному доверию и сотрудничеству с другими людьми, к обеспечению стабильности своего будущего с помощью растянутых во времени трансакций и дарообменов. Необходимость реализации долговременных целей путем имперских Больших проектов исследована авторами в символическом контексте поддержания легитимности власти и в экономическом аспекте.

Он связан с необходимостью иерархии власти для организации централизованного перераспределения ресурсов в пользу доминантных сегментов долговременного хозяйственного развития. По выражению Ф. Фернандо-Араместо, «человек, заботящийся о выгоде исходя из известных данных о получаемой отдаче на затраченные усилия, никогда бы не сделал бы выбор в пользу систем, на которые опирались в долинах Евфрата, Нила, Инда и Желтой реки» (Фернандо-Араместо, 2009, с. 260). Обмен наличных ресурсов в настоящем на будущие выгоды в России XIX в. наиболее наглядно представлен в осуществлении железнодорожного мегапроекта Империи, анализ которого во всей полноте положительных и отрицательных сторон попытались дать авторы.

Рассмотренные в статье виды обменов, присущие российской жизни XIX в., определили способы интеграции разнообразных логик поведения экономических акторов. Именно в ракурсе интеграции разнородных социально-экономических пространств и хозяйственных укладов Российской империи раскрыто содержание денежных обменов, реципрокций и редистрибуций. Можно предположить, что наступившая в конце XIX в. эпоха тотальной унификации общественных институтов под влиянием сначала капиталистической, а потом советской индустриализации подорвала принцип институционального разнообразия российской хозяйственной эволюции. Вероятно, это оказалось одной из причин гибели Российской империи. Тем не менее, уникальный отечественный опыт сосуществования рыночных и нерыночных логик поведения в неоднородном хозяйственном пространстве может быть востребован современностью. Особый позитивный и конструктивный смысл приобретает сегодня дарообмен, поскольку его специфика соотносима с постиндустриальной экономикой знаний. Такие рукотворные отношения в информационно-сетевом хозяйстве, как творческие дарообмены, неэквивалентные обмены по принципу отложенной взаимности, символические обмены и долговременные коммуникации, очевидно, образуют контур новой экономической модели XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков К. С. – Хомякову А. С. (1998) // *Хомяковский сборник*. Т. 1. Томск: Изд-во Водолей. 352 с.
- Арриги Дж.* (2010). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Изд-кий дом «Территория будущего». 472 с.
- Астырев Н. М.* (1886). В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М.: Тип. В. В. Исленьева. 396 с.
- Бродель Ф.* (1977). История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // И. С. Кон (ред.). *Философия и методология истории*. Сборник переводов. М.: Прогресс. 366 с.
- Гилько М. А.* (2012). Транссибирская магистраль: для кого и за чей счет // «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия и история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (23 апреля 2012 г.) Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов». 170 с.
- Даль В. И.* (2000). Пословицы русского народа. М.: Изд-во «Эксмо-Пресс». 608 с.
- Дубянский А. Н.* (2014). Краткий очерк истории русских ассигнаций // *Экономика и математические методы*. Т. 50. № 3, сс. 55–72.
- Карни Г.* (2012). Достоевский – экономист. Очерки по социологии литературы. Изд., 2-е исп. М.: Изд-во «Фаланстер». 224 с.
- Кольшико И. И.* (2009). Великий распад. СПб.: Изд-во «Нестор-История». 464 с.
- Лаврычев В. Я.* (1974). Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М.: Мысль. 281 с.
- Лахман Р.* (2016). Что такое историческая социология? М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС. 240 с.

Ленин В. И. (1962). Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат. Т. 27: Империализм как высшая стадия капитализма, с. 299–426.

Любавский М. К. (2002). Русская история 17–18 вв.: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Лань. 576 с.

Мальшиев И. А., Таранков В. И. и Смиранный И. Н. (1991). Бумажные денежные знаки России и СССР / Под ред. В. И. Таранкова. М.: Финансы и статистика, 496 с.

Мюнклер Г. (2015). Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 400 с.

Поланьи К. (2010). Экономика как институционально оформленный процесс // Избранные работы. М.: Изд-кий дом «Территория будущего», 210 с.

Правилова Е. А. (2006). Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство, 456 с.

Расков Д. Е. (2008). Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 5. Экономика, № 3, сс. 69–80.

Саллинз М. (1999). Экономика каменного века. М.: ОГИ. 296 с.

Фернандо-Араместо Ф. (2009). Цивилизации. М.: АСТ МОСКВА. 768 с.

Фалькнер С. А. (1919). Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: Издание редакционно-издательского отдела ВСНХ. 328 с.

Ханнеман Р., Коллинз Р. и Мордт Г. (2015). Как моделирование компактной теории может воспроизвести запутанные пути истории. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 504 с.

Чичерин Б. Н. (1934). Воспоминания. Земство и Московская дума. М.: Изд-во «Север». 357 с.

Clark G. (1936). The Balance sheets of imperialism: Facts and Figures on Colonies New York.

Davis L. E. and Huttenback R. A. (1988). Mammon and pursuit of Empire: The economics of British imperialism. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press, 408 p.

Go J. (2011). Patterns of Empire: The British and American Empire, 1688 to the Present. New York: Cambridge University Press, 286 p.

Kennedy P. (1989). The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. N.Y.: Vintage Books, 677 p.

Mulgan J. (2007). Good and Bad Power: The Ideals and Betrayals of Government / 2-nd edn. L.: Penguin UC, 384 p.

Schumpeter J. (1991). The Economics and Sociology of Capitalism / Ed by R. Swedberg. Princeton, pp.141–219.

Steinmetz G. (2008). The Colonial State as a Social Field American Sociological Review, pp. 589–612.

Ulianova G. (2009). Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia» / London: Pickering & Chatto Publishers, 254 p.

Wortman M. (1975). Government Revenue and Economic Trends in Central America 1787–1819 // *The Hispanic American Historical Review*, 55(2), 251–286.

REFERENCE

Aksakov, K. S. – A. S. Khomiakov (1998). Khomyakovskiy collection, vol. 1. Tomsk: Izd-vo Vodoley. 352 p.

Arrighi, G. (2010). The long twentieth century: money, power and the origins of our times. London: Verso. 472 p.

Astyrev, N. M. (1886). In the parish scribes: Essays on peasant self-government. M: tip. V. V. Islen'eva. 396 p.

Braudel, F. (1977). History and social Sciences. Historical duration [1958]. I. S. Kon (ed.). Philosophy and methodology of history. A collection of translations. M.: Progress. 366 p.

Chicherin, B. N. (1934). Memories. The district Council and the Moscow Duma. М.: Изд-во «Север». 357 p.

- Clark, G.* (1936). *The Balance sheets of imperialism: Facts and Figures on Colonies* New York.
- Davis, L. E.* and *Huttenback, R. A.* (1988). *Mammon and pursuit of Empire: The economics of British imperialism*. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press, 408 p.
- Dal, V. I.* (2000). *The Proverbs of the Russian people*. M.: Izd-vo Eksmo-Press. 608 p.
- Dubyanskiy, A. N.* (2014). A Short history of Russian banknotes. *Economics and mathematical methods*, 50(3), 55–72.
- Carpi, G.* (2012). Dostoevsky – the economist. *Essays on the sociology of literature*. Ed., 2-nd corrected. M.: Izd-vo «Phalanstery». 224 p.
- Fernando, Armesto F.* (2009). *Civilization*. M.: AST: AST MOSCOW. 768 p.
- Falkner, S. A.* (1919). *Paper money of the French revolution (1789–1797)*. M.: Izdanie redaktsionno-izdatel'skogo otdela VSNKh. 328 p.
- Hanneman, R., Collins, R.* and *Mordt, G.* (1995). *As the design of a compact theory can reproduce the intricate path of history*. Collins, R. (2015). *Macrohistory: Essays in sociology of the long duration*. M.: URSS: LENAND. 504 p.
- Hilico, M. A.* (2012). The TRANS-Siberian railway: for whom and at whose expense. “Social Sciences in the modern world: sociology, political science, philosophy and history”: materials of international correspondence scientific-practical conference. (23 April 2012). Novosibirsk: Izd. “Siberian Association of consultants”. 170 p.
- Go, J.* (2011). *Patterns of Empire: The British and American Empire, 1688 to the Present*. New York: Cambridge University Press, 286 p.
- Kennedy, P.* (1989). *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000*. N.Y.: Vintage Books, 677 p.
- Kolyshko, I. I.* (2009). *The Great collapse*. SPb.: Izd-vo “Nestor-History”. 464.
- Laverichev, V. J.* (1974). *The Big bourgeoisie in post-reform Russia (1861–1900)*. M.: Mysl'. 281 p.
- Lachman, R.* (2016). *What is historical sociology?* M.: Izdatel'skiy dom “Delo” RANH and HS. 240 p.
- Lenin, V. I.* (1962). *Complete works*. Ed. 5-E. M.: Gospolitizdat. T. 27: *Imperialism, the Highest stage of Capitalism*, pp. 299–426.
- Liubavskii, M. K.* (2002). *Russian history the 17th–18th century: a Training manual*. SPb.: Izd-vo “Lan”. 576 p.
- Malyshev, I. A., Tarankov V. I.* and *Humble I. N.* (1991). *Paper money of Russia and the USSR / Under the editorship of V. I. Tarankov*. M.: Finances and Statistics, 496 p.
- Mulgan, J.* (2007). *Good and Bad Power: The Ideals and Betrayals of Government / 2-nd edn*. L.: Penguin UC, 384 p.
- Müncler, H.* (2015). *Empire. The logic of domination over the world: from Ancient Rome to the United States*. M.: Kuchkovo pole, 400 p.
- Polanyi's, K.* (2010). *The Economy as an Institutionalized Process*. K. Polanyi's Selected works. M.: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego». 210 c.
- Pravilova, E. A.* (2006). *The finances of Empire: Money and power in the policy of Russia on national suburbs. 1801–1917 it is*. M.: Novoe izdatel'stvo, 456 p.
- Raskov, D. E.* (2008). *Monetary reform of Alexey Mikhailovich and the credibility problem*. *Vestnik St. Petersburg University Series 5. Economy*, 3, 69–80.
- Sullins, M.* (1999). *The Economy of the stone age*. M.: OGI. 296 p.
- Schumpeter, J.* (1991). *The Economics and Sociology of Capitalism / Ed. by R. Swedberg*. Princeton, pp. 141–219.
- Steinmetz, G.* (2008). *The Colonial State as a Social Field* *American Sociological Review*, pp. 589–612.
- Ulianova, G.* (2009). *Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London: Pickering & Chatto Publishers, 254 p.
- Wortman, M.* (1975). *Government Revenue and Economic Trends in Central America 1787–1819*. *The Hispanic American Historical Review*, 55(2), 251–286.